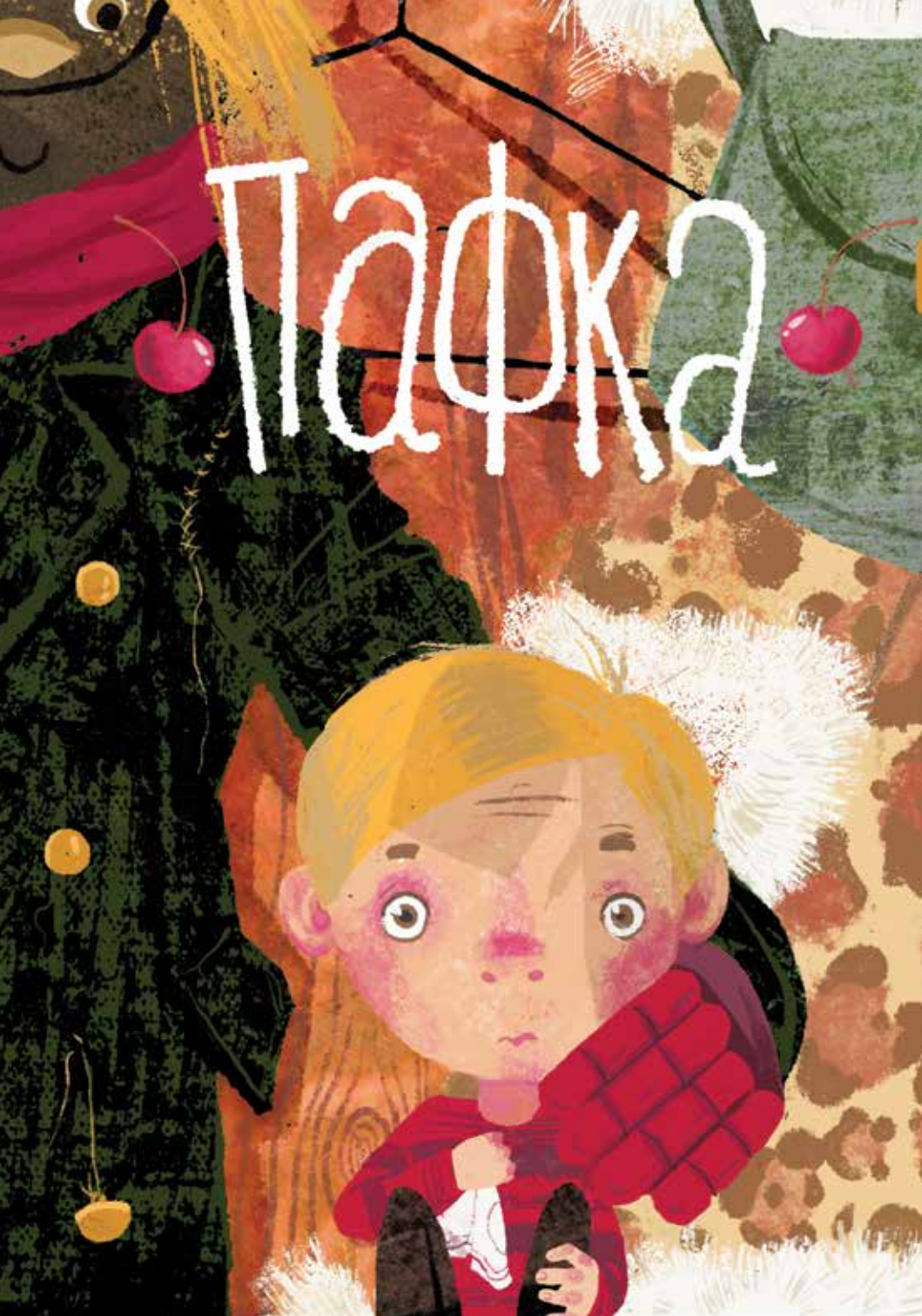


Оглавление

ПАФКА	7
Я НЕ БРАЛ!	17
ЗАЩОЛКА	29
УРОК НИМЕЦКОВО	39
ПОФЛЕТСТВИЯ	51
ЛИВТ	57
СОСЕТКА	67
ТРЫ БЫТАЖА	73



Παφκα



Пашка

На пороге большой светлой прихожей стоят ботинки. Это Пашкины ботинки — зеленоватые, с затвердевшими от купания в лужах шнурками и приподнятыми носами — очень курносые и даже нагловатые. Они чуть больше, чем обувь обычного девятилетнего мальчика, но, кажется, Пашке они уже жмут. Он снимает их быстро, с удовольствием и топает по длинному коридору на кухню в безразмерных носках, оставляя за собой на полу влажные следы.

Кроме ботинок, в Пашке есть ещё много хорошего: он ходит в третий класс и учится на четвёрки. Играет в футбол, выбрасывает мусор, развешивает бельё на балконе и ходит с папой за тяжёлой едой (картошкой, пакетами молока, кондиционером для белья — всем тем, что маме и бабушке тяжело нести из магазина). Ещё у Пашки есть младшая двоюродная сестра, родимое пятно на правой руке и метеорит: камень из космоса ему подарили, когда он пошёл в первый класс.

Маме с папой кажется, что Пашка мог бы учиться лучше, но мальчик чувствует, что получать четвёрки — это тоже хорошо. Ведь одно дело — выписывать в тетрадку выводы из параграфа по естествознанию, другое — писать изложение или рисовать сороку.

Хотя на самом деле трудно понять, на что ты способен, когда у тебя плохое зрение: в конце лета на футболе Пашку очень сильно ударили мячом по голове. Было сотрясение мозга, в шее сдвинулся позвонок, который пережал сосуд, и у Пашки упало зрение. После, в поликлинике, позвонок с хрустом вправил врач с холодными руками, но хорошее зрение пока не вернулось. Наверное, оно гуляет где-то, играет в футбол.

Пашке всё время приходится объяснять родителям и бабушке, что, когда в глазах двоится, думать становится труднее. А они просят его носить очки, которые выписал другой врач — уже с тёплыми руками и тоже в очках, — и кивают, хотя, кажется, совсем не верят мальчику. «Надо быть собраннее», — говорит папа и сдвигает мохнатые брови, показывая, как он умеет собираться. Бровей как у папы у Пашки нет, зато есть свой секретный способ собрать мысли в кучу. Нужно ковырять в носу! Это очень помогает сконцентрироваться и перестать делать три дела разом. Попробуйте играть в приставку одной рукой и исследовать ноздри другой — и вы поймёте, что это невозможно! Но использовать этот метод можно тогда, когда тебя никто не видит. И ковырять надо не до крови, а то бабушка будет дразниться шахтёром и Павлом Козюлькиным.

Да и не так часто Пашка ковыряется в носу... Чаще всего когда думает о своём секрете. Дело в том,

что другие дети вокруг Пашки — не настоящие. Пашка понял, что одноклассники, мальчишки во дворе и на футболе только делают вид, что они — дети. А на самом деле они такие же взрослые, как и его папа, и мама, и бабушка, и мамина сестра, и тётя... Пашке кажется, что они разыгрывают спектакль, когда не знают ответ на уроке английского, падают с качелей, боятся зубного, плачут от обиды или раскусывают горошек перца в супе и бегут к раковине, чтобы выплюнуть остро-горькую жижу во рту.

В общем, Пашка совсем не верит другим детям: он видел их хитрые глаза, улыбки, перешёптывания, которых у него никогда ни с кем не было. Они же точно против него сговорились! И ещё Пашка не верит в детские ссоры, дружбу и обиды — ему и одному очень даже хорошо.

Только иногда капельку одиноко.

Вишнёвый пирог

Но вообще, в квартире у Пашки прямо сейчас очень вкусно пахнет печеной с сахаром вишней. Пашка не может дождаться, когда бабушка достанет слоёный пирог из духовки. Мальчик три раза собрал и разобрал стопку книг на столе, посмотрел в окно,

забрался на балконе на табуретку и расковырял ранку на руке, а пирог был всё ещё не готов. Тикают часы. В конце коридора темнеет шкаф. Его дверь редко закрывается плотно и иногда сама собой приоткрывается, будто зовёт Пашу: мол, всё равно пока пирог в духовке, иди сюда. И вот Пашка, от нечего делать, решил заглянуть в шкаф.

На крючках в темноте шкафа висит мамина шуба, папин пуховик, бабушкин клетчатый плащ и несколько старых, никем давно нечищенных и не накинутах на плечи пальто. Паша проводит рукой по зелёной ткани одного из них и улыбается: в прошлом году в школе ставили спектакль «Конёк-горбунок», он играл скомороха и был в этом старом пальтишке. Рукава висели почти до пола, широким красным поясом от маминого халата пальто затянули сильно-сильно, но оно едва не волочилось по полу, а шапка съезжала на глаза так, что приходилось бегать по сцене почти на ощупь. Пашка три раза чуть не запутался, чуть не упал, но сорвал аплодисменты и вообще — был большой молодец.

— Эх, пальто-пальто, — стоя перед открытым шкафом, вздыхает мальчик. — Ты вот не слышишь этого запаха, не любишь этот вишнёвый пирог, и как же тебе не повезло.

Будто услышав Пашку, дверь на кухню открывается, окатив мальчика, словно лавиной, сладким

густым запахом. И всё вокруг начинает сиять алым, бордовым, лаковым соком печёной вишни и горячего сахара, даже тёмный паркет коридора и в завитушках потолок. Ох!

Прапал

Но наутро пирог пропал!

Пашка съел всего два кусочка: один бабушка положила ему на тарелку, когда тот чуть-чуть остыл, а другой — пришлось выпрашивать и обещать за это вытереть пыль.

— Пыль я вытер, а пирог не брал, — уверял бабушку Пашка. Мама с папой к нему и притронуться не успели, а большая голубая пироговская тарелка была всё равно пуста.

Бабушка тоже съесть пирог сама не могла — у неё был сахарный диабет. Зато она провела расследование: улики привели её к шкафу в коридоре. Его дверь была приоткрыта, и в луче света на дне виднелись крошки и красно-розовая капля вишневого варенья.

— Пашка, теперь две недели ты пылесосишь квартиру. И отмываешь шкаф, — вечером строго сказал папа.

— Но... — попытался возразить мальчик.

— Не пирога жалко. Жалко, что ты врѣшь, — строго сказал папа и уткнулся в монитор ноутбука. Белый свет экрана запутывался в его густых бровях, сурово сдвинутых и работающих вместе с папой.

Как такое могло случиться? Кто съел пирог? Пашка осмотрел руки, заглянул в зеркало — не испачкался ли у него в вишнёвом варенье рот? Он сам такое сделать не мог и тем более — об этом забыть. Нет, это точно был не он. Не он!

Вот другие, ненастоящие дети наверняка могут съесть целый маковый рулет или пиццу, но Пашка никогда не слопает то, что готовили для всех. И пусть сейчас он сомневается в себе, больше судьбы пирога его тревожит обида. В носу и глазах щиплют предательские рыдания, и мальчику до слёз обидно, что ему не поверила даже мама — которая всегда на его стороне и, кстати, тоже любит этот пирог.

Но сегодня мама не защитила Пашку, не сказала, что уверена, что он говорит правду, а просто ушла в спальню и закрыла дверь.

А в шкафу!..

Но на следующее утро Пашка смело залез в этот самый предательский шкаф с тряпкой, чтобы его

отмыть. Он принялся: кроме клубка из остатков маминых духов в шкафу нашёлся сладкий, уютный, волшебный запах пирога. Мальчик трёт полированную деревяшку и сам с собой разговаривает:

— Две недели — пылесосить... Жалко, что ты врёшь... Наказан... Я не врал! Я не вру!

Его никто не слышит: бабушка ушла на рынок, а мама с папой — на работе. Поэтому кто мог вдруг погладить его по плечу?.. ПОГЛАДИТЬ ПО ПЛЕЧУ?

Пашка поднял голову и тут же вывалился из шкафа. Перед ним за дверцей стояло чучело, монстр, непонятное существо! Лохматое, цветастое, оно улыбалось зубами-пуговицами и протягивало к Пашке рукав-руку.

— Пфасти меня... Пфасти меня, Пфафка, — шепелявило оно.

Пашка не поверил глазам, но громко закричал: «А-а-а-а-а!» — и побежал, падая и сбивая на пути ботинки, табуретки, ведро с водой и дверь в свою комнату. Одним прыжком он юркнул под одеяло и, дрожа, думал, что делать, если ему это всё не показалось и чудовище придёт в его комнату и нападёт на него.

Тут в коридоре слышались шаги и недовольные вздохи бабушки.

— Павел Владимирович, будьте добры, объясните — почему вода разлита по полу?

Сняв одеяло с головы, Паша выглянул в проём между дверью в его комнату и крикнул:

— Монстр! Я не вру! В шкафу был монстр!

Бабушка, а после папа и мама внимательно осмотрели шкаф — и никого там не нашли.

— Наверное, пальто качнулось и напугало тебя, — ласково погладила по голове Пашку мама. — Это у тебя ещё зрение просто плохое, милый. Может, всё же будешь надевать очки?

— Нет, — качал головой Пашка. — У него вместо зубов пуговицы, и он был одет в зелёное пальто. Это не из-за зрения.

— Ты уверен, милый? — обняла Пашку мама и чмокнула в макушку.

Ночью мама даже осталась в комнате Пашки, чтобы ему не было страшно спать.

Но приключения Пашки только начинались.



Я не брал!

Я не брал!

Вся следующая неделя в доме Пашки прошла спокойно: шкаф со старыми пальто не открывался, оттуда не появлялись чудовища, не вываливались похищенные вишнёвые пироги, и даже пылесосить квартиру оказалось не так уж трудно и не так уж долго.

Пашка собирался на футбол с папой и, завязывая шнурки, тяжело вздохнул: почти у всех мальчиков в команде были новые кроссовки с прозрачными шнурками и подсветкой, а у Пашки — старые серые кеды. Серые кеды, которые он терпеть не мог.

— Папа, — поднял печальные глаза Пашка, — а можно мне купить новые кроссовки?

Папа хитро подмигнул сыну и даже цокнул языком.

— Конечно! Покупай сколько хочешь. Я ни в чём не ограничиваю твои траты.

Пашка обрадовался, а папа ещё веселее ему подмигнул и спросил:

— Как думаешь, твоих карманных денег хватит?

Пашка был совсем не уверен, что мог бы сам себе купить кроссовки, — к девяти годам и третьему классу он накопил семьсот сорок восемь рублей от обедов и сдачи в магазине. А сколько стоят кроссовки?

Папа вручил сыну мяч, сам посмеялся над своей шуткой, быстро натянул куртку и вышел из квартиры.

Нахмутив брови, Пашка поплёлся за ним, размышляя о том, что у настоящих мальчишек кеды старые и потёртые, а у ненастоящих детей — новые и со светящимися шнурками. Это, конечно, было ужасно несправедливо, но Пашка уже привыкал к несправедливости. А впереди, в глубине лестницы, об ступеньки стучал пластиковой подошвой папин смех.

Но на следующий день папе было не до шуток.

— Пропал мой кошелёк, — обыскивал коридор растерянный папа.

Часы показывали одиннадцать утра, папу ждали на совещании — всё время звонили коллеги, а в пропавшем кошельке лежали кредитные карточки, ключ от парковки и пропуск в офис. Папа засовывал руки во все карманы, открывал ящики тумбочки, двигал пуфик. Даже ботинки перетряс. А кошелька нигде не было.

— Я опаздываю на работу! Да что же это такое! — очень сердился он.

Пашка в это время сидел на уроке и читал параграф по естествознанию, краснея до самых ушей и мотая ногами под партой от волнения.

Бабушка вынула все куртки и пальто из шкафа, чтобы посмотреть, не завалился ли папин кошелёк

куда-то на дно. Как вдруг он выпал... из кармана Пашкиной зимней куртки.

Ой, что тут началось! Папа кричал, махал руками и задыхался, так он был зол. Он угрожал лишить Пашку карманных денег на год, оставить без подарка на день рождения и наговорил ещё много других страшных вещей — после в красках описывала утренний разгром бабушка, чтобы Пашка приготовился.

— Ты хоть понимаешь, что чужие вещи брать нельзя? — в конце рассказа спросила она внука.

— Я... Я ничего не брал, — прошептал испуганно мальчик.

Хотелось снова уйти в школу на вторую смену, сбежать на футбол в старых кедах и скупить в магазине всю тяжёлую еду — лишь бы не столкнуться с разъярённым папой, вернувшимся с работы. Часы предательски долго тянулись и кружились вокруг пяти вечера. Пашку тошнило от страха. Если бы он был ненастоящим мальчиком, то наверняка сейчас просто бы позвонил другому ненастоящему ребёнку, они бы придумали план побега или... или его бы даже не наказали, или наказание было бы ненастоящим.

Вам, наверное, как и автору, особенно жаль Пашку в этот момент? Ведь какая несправедливость и сколько напастей обрушивается на этого мальчика? Но... скоро всё изменится и наладится.

Слышишь, Пашка?

Наказане

Но Пашка был настоящим, и наказали его по-настоящему.

Папа кровожадно прохаживался по комнате, рассказывая Пашке, что делают с ворами в Китае, как с ними поступали индейцы, Иван Грозный и граф Дракула. Папа сверкал глазами и хрустел пальцами. В итоге у Пашки забрали телефон, ему запретили пользоваться папиным компьютером и маминым планшетом, он не гулял после школы, отжимался с утра десять раз, учил стихотворение раз в два дня и пылесосил квартиру — при этом повторяя таблицу умножения. И так целый месяц!

Сколько будет восемь шесть? А если два умножить на девять? Гудя, словно пылесос, Паша двигал кресла, стулья, табуретки и вместе со своим новым другом — пыледышащим драконом — повторял столбики из цифр.

Теперь на уроках ему даже некуда было смотреть, когда становилось слишком скучно: приходилось разглядывать окно, одноклассников и плакаты с картой России или знаками дорожного движения.

Кто мог положить папин кошелёк в карман Пашки? Папа сам, конечно, порой был очень невнима-

тельный, несмотря на густые брови, и он мог это сделать случайно. Или бабушка могла? Но зачем? Она же любит Пашку.

— Может быть, это мама? Хотела разыграть папу и побоялась признаться?

Нет. Кажется, это сделало чудовище, которое жило в шкафу, съело вишнёвый пирог, напало на Пашку и теперь решило его окончательно уничтожить. Пашка не был в этом уверен, но по-другому объяснить случившееся не мог. Это чудовище объявило Пашке войну.

— Я не боюсь какое-то старое глупое пальто с полным ртом пуговиц, которое ворует чужие кошельки и пироги! — говорил сам себе Пашка. И взгляд его в этот момент, казалось, становился решительным.

Чудовище, скорее всего, и не настоящее даже. Как и одноклассники, и мальчики во дворе.

БЫТВЫ С ПОЛЬТО

Выучив второе, очень длинное, выбранное бабушкой и скучное, бессмысленное стихотворение про зиму и мороз, Пашка решил: чудовищу нужно было отомстить.